

(Продолжение, начало в № 38)

Дети войны. Оккупация и немецкая каторга

16 мая в РЦТДиМ «Ветразь надзей» состоялась краеведческая конференция «Дети войны. Оккупация и немецкая каторга», посвященная 80-летию Великой Победы. Её подготовили педагоги и учащиеся поисковой группы «Память» районного Центра творчества. Это уже пятая такая конференция, собравшая юных краеведов нашего района.

Много молодежи из Боханов было угнано на принудительные работы в Германию. Среди таких невольников оказалась Семочкина Агафья Ефимовна. В самом начале войны, 16 июля 1941 года, погиб её брат Иван — надежда и гордость семьи. Он до войны хорошо учился, был лучшим комсомольцем, жил в Минске, а потом служил в Черновцах, где и застала его война. Немецкий снаряд попал в машину, в которой он ехал...

На Павла, второго брата Анны, и его жену, был донос от местных полицейских за связь с партизанами. 8 сентября 1942 года их и ещё нескольких человек, находившихся под арестом в хирургическом отделении районной больницы, после пыток расстреляли в урочище «Ивановская роща», там же и закопали (это место называют «Глинище»). До сих пор неизвестно, где находятся останки Павла и его жены Афанасии.

16-летнюю Анну вместе с другими юношами и девушками отправили на работу в Германию. Более 30 человек из Боханов угнали фашисты на принудительные работы: Евгению Яненко, Ульяну Сотникову, Ульяну Зубачеву, Самкиду Коржукову, Марфу Казакову, Ефросинью Сотникову, Федора Гончарова, Варвару Малащенко, Елизавету Андрейкову и многих других. Анна Ефимовна попала в последний набор, в начале сентября 1943 года, за 3 недели до освобождения Хотимского района.

«Хватили молодежь на рассвете, часа в 4, убежать было невозможно. Полиции били, пинали ногами, угрожали... Кто-то из ребят успел захватить полшубок, кто-то домотканую сорочку. На ногах лапти, в руках узелки, слёзы застилают глаза...

Прощались взглядом со всем, что видели перед собой: покосившимся плетнем, колодезным журавлём, деревцами и даже крестами на родном могильнике...

Дней 5 держали в Хотимске, в здании еврейской школы (сегодня на этом месте аптека и жилые дома). Трое наших ребят убежали и скрылись в лесу до прихода Красной

армии.

На грузовиках повезли в направлении Коммунар.

На несколько минут остановились у немецкого штаба, на краю Боханов, где собрались родные. Прощание было душераздирающим. Хотелось целовать каждый кустик придорожный, каждую травиночку на родном поле...

Погрузили всех 47 человек, как скот, в товарный вагон и закрыли. Нет ни капелки воды, ни туалета... Вонь и духота невыносимые.

Много дней ехали через Польшу, Восточную Германию. Привезли в Лотарингию. Всех остригли, помыли, прожарили одежду, каждого сфотографировали и распределили на работу.

Потом оформили на девушек документы, палец каждой узницы макали в чернила и приказывали оставить отпечаток в новом паспорте. На рукаве нашивка «OST», на груди личный номер...».

Работала Анна на цемзаводе по 14 часов в сутки. Кормили баландой из брюквы, в которой иногда была тухлая конина, а на дне миски — толстый слой песка от грязной брюквы. Хлеб непонятно из чего, граммов 150-200, 7 граммов маргарина.

Три тысячи оstarбайтеров жили в бараках за колючей проволокой. Приходили с работы и сразу, обесилленные, падали на нары, а утром снова на каторгу.

На заводе пыльно, дышать нечем, цементная пыль разъедала тело, кровь сочилась с кожи лица и рук, постоянно слезились и болели глаза...

Но самое страшное — заболеть туберкулёзом. Тогда — конец! Отправляли в другой, «туберкулёзный» лагерь, из которого уже никто не возвращался. Ещё живой тащил в яму мертвого, а потом ждал своей очереди. Туберкулезные ямы заполнялись быстро...

Осенью 44-ого стали бомбить американцы, и немцы построили оstarбайтеров, куда-то погнали. Много километров шли пешком, голодные, уставшие. Иногда из окон немцы им на дорогу кидали хлеб — все броса-

лись за ним, а охранники начинали стрелять. У дороги невольницы искали то яблоко, то свёклу — рады были всему, что можно пожевать и проглотить.

Ноги в ссадинах и крови, губы — сплошная запекшаяся рана. Сколько девочек, умерших от голода, расстрелянных фашистами, навсегда остались у этих безымянных немецких дорог!...

Сидориной (Буденковой) Афанасие Яковлевне исполнилось 15 лет, когда деревню оккупировали немцы.

Отец Яков Кузьмич всё время держал связь с партизанами, мать печка для них хлеб.

В начале сентября 43-го, ранним утром, за Афанасией пришел полицай Пантоха (Сыроежкин) и приказал немедленно собираться для отправки в Германию...

Мать, плача, успела положить в торбочку кусочек сала, хлеб, дала кое-какую одежку...

Везли в вагонах для скота. В Лотарингии ехали на машинах, на ходу пытались сорвать яблоко с дерева, чтобы хоть что-то пожевать. Однажды, голодные, они во время стоянки набрали на ежевику — порезали все руки, а потом их за это избili охранники. У многих сильно болели ноги, ведь почти все босые. На ногах лопалась кожа, текла кровь...

Каждому невольнику выдали личный номер: у Афанасии — 2563, а у её подруги Вари Малащенко — 2562. Никаких имён — так фашисты растапывали человеческое достоинство, обезличивали...

Подъем в 6 утра. Быстро умывались, пили горячий несладкий чай — и на работу. Всё время хотелось есть, даже во сне.

Афанасия таскала щепенку для раствора — руки превратились в сплошную незаживающую рану. Все тело страшно болело, и не дай бог упасть или серьезно заболеть — тогда конец!

А ещё им делали какие-то уколы, брали кровь, но никто ничего не объяснял: славяне для немцев и не люди вовсе... Из еды баланда, кусочек маргарина с ноготок, как

Детям, угнанным в немецкое рабство

*Детей рвали из материнских рук
Надменные фашистские ублюдки...
В ушах был слышен сердца стук,
Крик матерей беспомощный и жуткий!..*

*Их отправляли на чужбину, в немецкий рейх —
Цивилизацию арийской крови —
Под издевательский конвойных смех
И плач надрывный вдовий...*

*Их юность увозили в рабство навсегда
От васильковой милой родины,
Из тёплого, родимого гнезда
С душистой чёрною смородиной!*

*Везли, как скот, в товарняке...
Они были дешёвою рабочей силой...
Дрожащие от холода на сквозняке,
Смотрели на чужой пейзаж унылый...*

*В неметчине терпели унижения и страх...
Они для бюргеров рабами стали...
И, вспоминая матерей в слезах,
О родине и воле мечтать не уставали!*

*Варили брюкву для свиней,
Тайком хватили крохи из корыта...
«Наградой» были подзатыльники и свист
плетей!..*

Ведь у бесправных не было защиты...

*Им снилась по ночам родная речь
И шёлковые травы луговые,
С родными так хотелось встреч
И целовать свои ромашки полевые!*

*Час пробил — наступил цветущий май!
И наш солдат принёс свободу!
Будь проклят ты, «цивилизованный» немецкий
«рай»,
И те, кто возродил нацизм в угоду!*

Нина СЕМОЧКИНА

правило, испорченный, картофелина в кожуре на ужин, да и то не всегда.

К концу смены едва могли самостоятельно передвигаться и боялись одного — упасть, потерять сознание. А ведь многие падали, их куда-то увозили, и больше эти оstarбайтеры не возвращались. Немцы боялись инфекций и, наверное, добивали заболевших...

Работали с ними рядом и семейные, которые жили в отдельном бараке. Хоня подружилась с девушкой из Польсы Кашеид Марией, которая до Германии была в каком-то страшном лагере на болоте, где почти все умерли от болезни, а её, оставшуюся в живых, отправили на каторжные работы в Германию.

Когда весной 45-го бомбили американцы, девчата, пользуясь отсутствием охраны, однажды побежали в столовую, а потом на склад, где была одежда и обувь (деревяшки). Охрана возвратилась и жестоко избila девушек, у которых обнаружили хоть один «трофей». Хоня и её подруга успели выбросить свою «добычу»...

Сразу после освобождения один советский солдат дал ей листочек бумаги и карандаш, чтобы написала домой письмо. Хоня так и сделала — и письмо родные получили!

Сестра её бежала с ним через всю деревню на поле, где женщины перебирали картошку, кричала от радости, а потом много раз все читали и перечитывали письмо, обнимали и плакали!..

(Продолжение в ближайших номерах «ШК»)

Алексей БАРАШОК,
учащийся поисковой группы «Память» РЦТДиМ
(педагог Н. И. Ковалева)

Барашок, А. Дети войны. Оккупация и немецкая каторга / Алексей Барашок // Шлях Кастрычніка. — 2025. — 24 мая. — С. 4. — Продолжение. Начало в № 38.

16 мая в РЦТДиМ "Ветразь надзей" состоялась краеведческая конференция "Дети войны. Оккупация и немецкая каторга", подготовленная педагогами и учащимися поисковой группы "Память" и посвященная 80-летию Великой Победы; город Хотимск Могилевской области.